

Палаузов Владимир Николаевич

**Вопрос о миссии присяжных
заседателей в новейшей
русской литературе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Николаевич П.**
Вопрос о миссии присяжных заседателей в новейшей русской литературе /
Палаузов Владимир Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 81 с.

ISBN 978-5-521-27118-4

ISBN 978-5-521-27118-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

...legum denique idcirco omnes servi
sumus, ut liberi esse possimus.
M. T. Ciceronis oratio pro A. Cluentio, 53, 146.

Нѣтъ, мнѣ кажется, надобности выяснять важное значеніе вопроса о миссіи присяжныхъ засѣдателей. Вопросъ этотъ всегда приковывалъ къ себѣ вниманіе всѣхъ интересовавшихся судьбами суда присяжныхъ. Но особеннаго напряженія вниманіе къ этому вопросу достигало въ критическіе моменты исторіи этого суда, въ моменты, когда институту присяжныхъ приходилось или завоевывать себѣ мѣсто въ правовомъ организмѣ данной страны, или отстаивать занятую позицію отъ натиска противниковъ. Вообще, живо интересовались нашимъ вопросомъ накануне такихъ преобразованій уголовно-процессуальнаго законодательства, которыя такъ или иначе могли отразиться на законной обрисовкѣ суда съ участіемъ непрофессиональнаго элемента.

Такъ было всегда, такъ это, въ частности, и теперь въ нашемъ отечествѣ, гдѣ, какъ извѣстно, готовится общее преобразование судебной части.

Вотъ какими соображеніями я руководился, избравъ предметомъ настоящей работы вопросъ о томъ — какъ миссія присяжныхъ засѣдателей понимается въ современной русской литературѣ? Вопросъ этотъ можетъ быть точнѣйшимъ образомъ формулируемъ двояко: можно, во 1-хъ, изслѣдовать — какъ современная русская литература рѣшаетъ вопросъ о призваніи на-

шихъ присяжныхъ *de lege lata*, и, во 2-хъ, можно интересоваться взглядами русскихъ процессуалистовъ на миссію присяжныхъ *de lege ferenda*. Въ послѣдующемъ изложеніи я попытаюсь дать посылный отвѣтъ на обѣ эти формулы поставленнаго вопроса.

Въ заключеніе этихъ предварительныхъ объясненій—еще одно замѣчаніе. Мнѣ кажется, я поступилъ-бы несовсѣмъ цѣлесообразно, если-бы ограничился пересказомъ того, что по этому поводу говорили и говорятъ новѣйшіе русскіе процессуалисты. Я полагаю, что поступлю лучше, если, въ интересахъ ближайшаго разсмотрѣнія, я выберу тѣ изъ новѣйшихъ взглядовъ, которые въ какомъ-либо отношеніи, — напр., по своей оригинальности или по полнотѣ, законченности своего обоснованія, — кажутся мнѣ заслуживающими наибольшаго вниманія. Затѣмъ, давая свою посылную оцѣнку этихъ взглядовъ, я буду указывать на отношеніе къ нимъ видѣвшихся нашихъ процессуалистовъ, имѣвшихъ поводы касаться интересующаго меня предмета.

Послѣ этихъ замѣчаній я обращаюсь къ самому существу своей работы.

I.

Вопросъ о миссіи нашихъ присяжныхъ *de lege lata* довольно подробно трактуется въ рефератѣ г. Вальтера, рефератъ, напечатанномъ въ «Журналѣ юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ»¹⁾, подъ названіемъ: «Вопросъ о виновности на судѣ присяжныхъ засѣдателей». Въ работѣ этой г. Вальтеръ старается доказать, что, по нашему законодательству, миссія присяжныхъ засѣдателей, при рѣшеніи вопроса о вѣнненіи въ вину подсудимаго даннаго его дѣянія, шире призванія, въ этомъ отношеніи, коронныхъ судей, что присяжные засѣдатели, по мысли нашего законодателя, имѣютъ право признать подсудимаго невиновнымъ и по другимъ основаніямъ, чѣмъ тѣ, которыя, въ качествѣ таковыхъ (т. е. причинъ невѣнненія), означены въ нашемъ уголовномъ законѣ (ст. 92 уложенія о наказаніяхъ).

¹⁾ За 1894 г., кн. II, стр. 41—80.

Съ этимъ-то мнѣніемъ г. Вальтера я никоимъ образомъ не могу согласиться.

Но обратимся къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ аргументовъ, приводимыхъ г. Вальтеромъ въ пользу этого положенія.

«Такое утверждение, говоритъ нашъ авторъ, мы основываемъ на томъ, что ст. 771, въ которой указывается, что подсудимый, признанный совершившимъ преступное дѣяніе, можетъ быть оправданъ только по тѣмъ причинамъ невмѣненія, которыя въ законѣ обозначены, помѣщена въ отдѣленіи II, главы IX, раздѣла IV, книги II уст. угол. суд., озаглавленномъ: «Постановленіе приговоровъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей». Въ отдѣленіи же третьемъ той же главы, озаглавленномъ: «Постановленіе приговоровъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей», нигдѣ ничего подобнаго нѣтъ, равно какъ нѣтъ и ссылки на ст. 771. Если-бы законодатель распространилъ это требованіе и на присяжныхъ засѣдателей, то несомнѣнно статья того же содержанія была-бы помѣщена и въ III отдѣленіи главы IX, или же въ этомъ отдѣленіи, по крайней мѣрѣ, сдѣлана была-бы ссылка на ст. 771. Странно говорить о томъ, что законодатель могъ предъявлять къ присяжнымъ засѣдателямъ подобное требованіе, когда ему не могло не быть извѣстнымъ, что присяжные, большинство которыхъ до послѣдняго времени было малограмотно, или даже совсѣмъ безграмотно, никакого понятія о законныхъ причинахъ невмѣненія не имѣли. Намъ скажутъ, что о законныхъ причинахъ невмѣненія имъ могутъ давать надлежащія разъясненія председательствующіе въ судѣ; но, вѣдь, закономъ не предписывается, чтобы председательствующій, въ своемъ заключительномъ объясненіи, съ которымъ онъ обращается къ присяжнымъ, давалъ имъ разъясненія по этому предмету. На практикѣ председательствующіе и не даютъ подобныхъ разъясненій. Если постановленъ отдѣльный вопросъ о наличии какой-либо изъ указанныхъ въ законѣ причинъ невмѣненія, то они даютъ объясненія относительно этой одной причины, а остальные обходятъ полнымъ молчаніемъ. Откуда же присяжные почерпнутъ о нихъ свѣдѣнія? Намъ скажутъ, что законъ писанъ для всѣхъ, а также и для присяжныхъ засѣдателей; что въ уложеніи о наказаніяхъ прямо говорится о томъ, что преступное дѣяніе можетъ быть невмѣнено въ вину только тогда, когда есть одна изъ причинъ невмѣненія, изъ указанныхъ въ ст. 92

улож. о нак. Уложение, какъ извѣстно, составлено много лѣтъ тому назадъ, задолго до того, какъ введены были новые судебные уставы и вмѣстѣ съ ними судъ присяжныхъ. Вводя новые судебные порядки, устраняя теорію формальныхъ доказательствъ, замѣняя ихъ теоріей внутренняго убѣжденія, законодатель озабочился опредѣленіемъ сферы компетенціи коронныхъ судей при рѣшеніи ими вопроса: должно-ли быть подсудному вѣнчено дѣяніе въ вину, и указалъ имъ въ ст. 771 тѣ условія, при существованіи которыхъ только и возможно для нихъ невмѣненіе подсудному совершеннаго имъ дѣянія. Если-бы онъ требовалъ того же самаго и отъ присяжныхъ, то не естественно-ли ожидать, что и имъ это было-бы указано; а между тѣмъ, въ дѣйствительности, такихъ указаній въ уставѣ уголовного судопроизводства, какъ мы уже говорили, нѣтъ. Да это и совершенно понятно. Требованіе, чтобы присяжные засѣдатели, на обязанности которыхъ всецѣло лежитъ признаніе того, должно-ли быть вѣнчено въ вину подсудному совершенное имъ дѣяніе, руководствовались при обсужденіи этого указанными въ законѣ причинами невмѣненія, звучало бы ироніей, рядомъ съ постановленіями закона, въ силу которыхъ присяжные не мотивируютъ своего приговора и рѣшеніе ихъ признается окончательнымъ. Говорить о такомъ требованіи въ отношеніи присяжныхъ засѣдателей странно потому уже, что нельзя-же провѣрить основаній ихъ рѣшенія,—они никому не даютъ отчета. Выходить, такимъ образомъ, что на присяжныхъ засѣдателяхъ лежитъ, какъ-бы нравственная обязанность не освобождать отъ отвѣтственности лицъ, совершившихъ предусмотрѣнное закономъ дѣяніе, если нѣтъ законныхъ причинъ невмѣненія. Но, во-первыхъ, мы говоримъ не о нравственной обязанности ихъ, а о той, которая возлагается на нихъ закономъ, и, во-вторыхъ, едва-ли возможно утверждать, чтобы на нихъ лежала хотя-бы и нравственная обязанность руководствоваться только законными причинами невмѣненія; нельзя этого утверждать потому, что нельзя говорить о нравственной обязанности руководствоваться при рѣшеніи чего-либо такими основаніями, которыхъ, въ точности, рѣшающій не знаетъ, да и знать не обязанъ. Все, что можно требовать отъ присяжныхъ засѣдателей въ этомъ отношеніи и что отъ нихъ дѣйствительно закономъ требуется, заключается въ томъ, чтобы они, при рѣшеніи участи подсудимаго, руко-

водствовались единственно убѣжденіемъ своей совѣсти, были непристрастными, искренними и справедливыми»²⁾).

Таково существо *положительной* аргументаціи г. Вальтера. Обращаясь къ ея оценкѣ, замѣчу прежде всего, что вопросъ о вѣнненіи или невѣнненіи въ вину совершеннаго подсудимымъ дѣянія рѣшается, — отъ кого-бы такое рѣшеніе ни исходило (отъ присяжныхъ или отъ коронныхъ судей), — еще тогда, когда со стороны рѣшающихъ дѣло даются отвѣты на постановленные вопросы о виновности. Правила-же о постановкѣ такихъ вопросовъ, по нашему уставу угол. суд., — одни и тѣ же какъ для дѣлъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ прис. засѣдателей, такъ и для дѣлъ, рѣшаемыхъ одними коронными судьями, — за исключеніемъ того только, что, на основаніи 760 ст. уст. уг. суд., вопросы, предлагаемые присяжнымъ, должны быть редактируемы въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ. Изъ этого одного уже слѣдуетъ заключить, что въ остальномъ, — въ отношеніи къ своему содержанію и значенію, — вопросы о виновности, предлагаемые присяжнымъ, и такіе же вопросы, рѣшаемые короннымъ судомъ, должны быть трактуемы одинаково. Одинаково же и по той же причинѣ должны быть трактуемы и встрѣчающіеся въ законныхъ правилахъ о постановкѣ вопросовъ термины: «виновность», «вѣнненіе», «невѣнненіе» и проч., — вѣмъ бы въ данномъ случаѣ ни давался отвѣтъ на вопросъ, заключающій въ себѣ содержимое этихъ терминовъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, чтобы законодатель, употребляя въ ст. 754, 760, 763 и др. слова «виновность», «вѣнненіе», придавалъ этимъ терминамъ *въ одно и то же время* двойное значеніе, двойкій смыслъ. Для обоснованія подобнаго положенія нужна была бы особая оговорка, нужно было-бы особое постановленіе закона въ такомъ, напр., родѣ, что въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ прис. засѣдателей, слова: «виновность», «вѣнненіе» и проч., означаютъ не то, что въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ безъ участія присяжныхъ, или — что присяжные засѣдатели имѣютъ право признать подсудимаго невиновнымъ не только по тѣмъ причинамъ, по которымъ это предоставлено коронному суду и которыя предусмотрены 92 ст. улож. о нак., но и по другимъ основаніямъ. Но вѣдь ничего подобнаго такимъ оговоркамъ въ уставѣ угол. суд. нѣтъ!

²⁾ Вышеупом. статья г. Вальтера, стр. 68—70.

Оставимъ, однако, въ сторонѣ только-что изложенныя соображенія, основанныя на данныхъ, непринятыхъ въ расчетъ г. Вальтеромъ, и будемъ исходить изъ посылокъ, легшихъ въ основу заключеній нашего автора. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Понятія о винѣ уголовной, о вѣнненіи и невѣнненіи, точно опредѣлены уголовнымъ закономъ (92 ст. ул. о нак.), закономъ, обязательнымъ для всѣхъ и каждаго, закономъ, дѣйствовавшимъ задолго до введенія суда присяжныхъ. Но вотъ законодатель 60-хъ годовъ задумываетъ ввести въ нашъ процессуальный механизмъ новую составную часть — судъ съ присяжными засѣдателями, долженствующій рѣшать о винѣ или невинности подсудимыхъ по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ. Естественно, что такое новое явленіе, какъ судъ присяжныхъ, должно было вызвать необходимость многихъ перемѣнъ въ уголовномъ законодательствѣ какъ процессуальномъ, такъ даже и матеріальномъ. Законодатель нашъ эти перемѣны и осуществляетъ, создавая уставъ уголовного судопроизводства, приложенный къ требованіямъ процесса передъ присяжными и кореннымъ образомъ отличающійся отъ началъ, на которыхъ построено было уголовное судопроизводство по II ч. XV т. св. з., и дѣлавъ нѣкоторыя измѣненія и въ уложеніи о наказаніяхъ²⁾. Но, при всѣхъ этихъ перемѣнахъ и приспособленіяхъ, тѣ статьи только-что названнаго уголовного кодекса нашего, которые трактуютъ о вѣнненіи и невѣнненіи въ вину совершенныхъ дѣяній, остаются безъ перемѣны и безо всякихъ приспособленій къ случаямъ, когда о примѣненіи этихъ статей можетъ идти дѣло на судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въдѣ нигдѣ въ нашихъ уголовныхъ законахъ нѣтъ особаго постановленія о томъ, что, въ отношеніи къ вопросу о виновности, сужденіе присяжныхъ должно покоиться на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ сужденіе со стороны коронныхъ судей. А при такихъ условіяхъ слѣдуетъ необходимо придти къ выводу, что постановленія уложенія о нак. о причинахъ невѣнненія должны быть обязательны и для присяжныхъ засѣдателей.

Правда, въ 771 ст. уст. уг. суд. г. Вальтеръ усматриваетъ, какъ мы видѣли, указаніе на такія особыя условія для рѣшенія

²⁾ Я здѣсь разумѣю, напр., измѣненіе въ редакціи 135 ст. улож. о нак.

присяжными вопроса о виновности. Но это совершенно не верно. Если бы еще соответствующее место 771 ст. было редактировано в таком, напр., смысле, что *только* суды, решающие дело без присяжных, руководствуются, при невыяснении подсудимому совершенного им деяния, статьей 92 и сл. улож. о нак., то тогда, конечно, можно было бы говорить о выводимом а contrario освобождении остальных судей виновности (т. е. присяжных) от обязанности сообразоваться с общим уголовным законом. Но ведь ничего подобного нет. Статья 771 уст. уг. суд. дает не правила для решения вопроса о виновности (п других вопросов, входящих в приговор), а *перечень и определение* различных *видов* приговоров, формулируемых, провозглашаемых и объявляемых судом *после* решения вопроса о виновности, к которым бы этот вопрос ни разрешался — присяжными или коронными судьями. Статья 771 применяется и может применяться *только* коронным судом даже в тех случаях, когда в решении дела принимали участие присяжные заседатели потому, что последние не формулируют приговоров, а только отвечают на заданные им вопросы.

Но г. Вальтеръ, как мы видели, находит даже *странным* предположение о том, что законодатель исходил из мысли об обязательности для присяжных узаконений о виновности и невыяснении, именно — в виду малограмотности большинства наших судей о виновности по важнейшим делам. Мне же казалась бы странною противоположна предпологаемая г. Вальтером, точка зрения законодателя. Ведь при такой точке зрения тот же малограмотный субъект, который вчера, в качестве присяжного, не был обязан руководствоваться общеобязательным уголовным законом о виновности и даже знать этот закон, сегодня, попав сам на скамью подсудимых по делу, решаемому коронным судом, не мог бы, в свое оправдание, сослаться на незнание этого уголовного закона! А ведь присяжные заседатели — лучшие люди разных слоев общества, почему средний уровень их, в нравственном и умственном отношениях, конечно, выше среднего уровня тех субъектов, которые фигурируют в качестве подсудимых. Зато, присяжные заседатели получают наставления от председательствующего, который объясняет им законы, относящиеся к определению свойства рассматриваемого деяния; подсудимые же

въ большинствѣ случаевъ такихъ разъясненій чьей-либо сторо- ны не получаютъ въ свое время...

Г. Вальтеръ, какъ мы выше видѣли, пользуется въ качестве аргумента для своего положенія, и тѣмъ, что присяжные, по закону, не мотивируютъ своего вердикта и что рѣшеніе ихъ признается окончательнымъ. По нашему мнѣнію, аргументъ этотъ — не цѣннѣе предыдущихъ. И въ самомъ дѣлѣ, хотя можно утверждать, что законодатель нашъ, освобождая присяжныхъ отъ обязанности мотивировать ихъ рѣшеніе, руководился при этомъ именно мыслию дать такимъ образомъ присяжнымъ право идти, при рѣшеніи вопроса о виновности, въ обходъ или даже прямо противъ общеобязательныхъ уголовныхъ законовъ. Отъ мотивировки нашъ законодатель, подобно законодателямъ иностранныхъ, могъ освободить присяжныхъ и по другимъ основаніямъ,—прежде всего потому, что мотивировка — не по плечу большинства присяжныхъ даже въ томъ случаѣ, если бы это большинство и не было, какъ говоритъ г. Вальтеръ, малограмотно. Иное, вѣдь, дѣло вѣрно, правильно отвѣтить на редактированный въ общепотребительныхъ выраженіяхъ вопросъ простыми «да» или «нѣтъ», иное — мотивировать этотъ отвѣтъ. Для послѣдняго требуется профессиональная сноровка, умѣнье, получаемое въ школѣ и на практикѣ, при вершеніи судебныхъ дѣлъ.

Итакъ, если для объясненія данного постановленія имѣется два способа (т. е., по 1-хъ, ссылка на желаніе законодателя освободить присяжныхъ отъ общеобязательнаго уголовного закона и, во 2-хъ, основательное предположеніе о неспособности непрофессиональныхъ судей давать мотивы своихъ рѣшеній), то для утвержденія, что нашъ законодатель руководился именно соображеніями перваго порядка, нужны дальнѣйшія указанія, дальнѣйшія доказательства, какихъ г. Вальтеръ не представилъ. Не поможетъ тутъ дѣлу нашего автора ссылка на то, что приговоръ, постановленный на основаніи вердикта присяжныхъ, признается окончательнымъ, ибо окончательными же признаются и другіе приговоры, напримѣръ, нѣкоторые приговоры единоличныхъ судовъ, обязанныхъ, несомнѣнно, рѣшать дѣла по закону, не исключаящему, впрочемъ, и внутренняго убѣжденія.

Мало того, мнѣ кажется, что г. Вальтеръ и не могъ представить только-что упомянутыхъ доказательствъ. Дѣло въ томъ,

что нашъ законодатель, при введеніи суда присяжныхъ имѣлъ въ виду, между прочимъ, тотъ образецъ этого института, который органически развился въ Англіи. А имѣя п здѣсь присяжные, будучи свободны отъ обязанности мотивировать свои вердикты, не трактуется поэтому свободными отъ общеобязательныхъ законовъ. Далѣе, нашъ законодатель 60-хъ годовъ имѣлъ въ виду и континентальныя законодательства, и западную литературу о судѣ присяжныхъ. Въ частности, редакторы судебныхъ уставовъ часто цитируютъ въ своихъ соображеніяхъ извѣстнаго знатока суда присяжныхъ Миттермайера, который въ своихъ сочиненіяхъ не разъ предостерегаетъ отъ взгляда на присяжныхъ, какъ на лицъ, обладающихъ всемогуществомъ, такъ наз. omnipotence (Allmacht), и оттѣняетъ *судебное* значеніе института суда присяжныхъ, а въ числѣ условій, при которыхъ это учрежденіе можетъ сослужить правосудію свою службу, ставитъ развитіе въ данномъ народѣ чувства права, чувства законности⁴⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ, если бы редакторы судебныхъ уставовъ хотѣли въ основу русскаго суда присяжныхъ положить другой взглядъ на ихъ миссію, именно взглядъ, по которому присяжные свободны или отъ законовъ вообще (такова именно точка зрѣнія теоріи всемогущества присяжныхъ), или отъ законовъ о вѣщеніи и вѣняемости — въ частности, то это они *открыто* показали бы въ самомъ текстѣ закона. Этого, однако, редакторы нашихъ процессуальныхъ законовъ не сдѣлали. Г. Вальтеръ пытается въ этомъ смыслѣ истолковать нѣкоторыя, приводимыя имъ на стр. 70—72, *мотивы* редакторовъ судебныхъ уставовъ. Но, во 1-хъ, мотивы — не законы, а во 2-хъ, приводимые нашимъ авторомъ выдержки изъ мотивовъ къ судебнымъ уставамъ редактированы настолько *неопредѣленно*, что на такихъ общихъ мѣстахъ нельзя основать желательнаго ему опредѣленнаго вывода. Въ самомъ дѣлѣ, если редакторы Уставовъ говорятъ, что тогда, какъ для рѣшенія вопроса о наказаніи нужны не только знаніе законовъ, но и опытность въ ихъ примѣненіи, для рѣшенія вопроса о винѣ, напротивъ, нужны здравыя понятія; то едва-ли это мѣсто можно читать такъ, что эти «здравыя понятія» не должны имѣть въ основѣ своей именно всякому понятныя

⁴⁾ См., напр., соч. Миттермайера — «Die Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren» etc., 1856 г., стр. 200, 203 и др.

и извѣстные, даже безъ знакомства съ законами, правила о томъ, что никто не отвѣчаетъ за совершенное по происшедшему отъ случайной ошибки невѣдѣнію, при необходимой оборонѣ или крайней необходимости и проч. Едва-ли, въ самомъ дѣлѣ, кто-либо изъ имѣющихъ «здравыя понятія» въ такихъ вопросахъ не сойдется съ законодателемъ! Итакъ, цитированное г. Вальтеромъ мѣсто мотивовъ можетъ быть понито и такъ, что редакторы судебныхъ уставовъ считали только-что упомянутыя правила объ условіяхъ вины (изложенныя въ 91 и слѣд. ст. улож.) до такой степени общепонятными и общеизвѣстными, что всякій, не имѣющій ни судебной опытности, ни начитанности въ законахъ, человекъ со здравымъ смысломъ съумѣетъ надлежащимъ образомъ примѣнить эти правила къ дѣлу.

Такъ же мало говорятъ въ пользу защищаемаго г. Вальтеромъ положенія и другія выдержки изъ мотивовъ къ судебнымъ уставамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ выдержкахъ мы вѣдь не читаемъ, что знаніе присяжными нравовъ и обычаевъ той среды, изъ которой происходитъ судимый субъектъ, близость присяжныхъ къ понятіямъ подсудимаго и проч. нужны были законодателю нашему именно для того, чтобы за дѣянія, считаемыя закономъ преступными, эти присяжные могли признать ихъ виновниковъ неотвѣстственными по другимъ при томъ причинамъ, чѣмъ тѣ, какія перечислены въ 92 ст. улож. о нак. Вѣдь знаніе нравовъ и обычаевъ среды подсудимаго можетъ быть полезно для правильнаго установленія *фактической* стороны дѣла, для оцѣнки уликъ за и противъ! Это знаніе нравовъ, обычаевъ, понятій, можетъ, дажѣ, пригодиться присяжнымъ и для рѣшенія вопроса о *стисхожденіи*! Наконецъ, такія же свѣдѣнія важны и для рѣшенія вопроса о *разумности* подсудимыхъ, совершившихъ преступное дѣяніе въ возрастѣ отъ 10—17 лѣтъ.

Заканчивая разборъ положительной аргументаціи г. Вальтера, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ его соображеніи, въ которомъ намечается на бесплодность, въ практическомъ отношеніи, всякихъ разговоровъ объ обязанности присяжныхъ руководствоваться законами о вѣнненіи, такъ какъ нельзя фактически провѣрить основанія ихъ рѣшенія и такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія всякихъ средствъ контроля, на присяжныхъ засѣда-